

Wm. W. Murray Thwaites

I. Юбилей М. А. Попова.

3 января 1897 года исполнилось 30-лѣтіе службы профессора анатоміи Императорскаго Харьковскаго университета Митрофана Алексѣевича Попова. Въ этотъ день и въ слѣдующіе за нимъ 4, 5 и 6 января посѣтили М. А. Попова на дому и поздравили съ 30-лѣтнимъ юбилеемъ: г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа И. П. Хрущовъ, профессора: И. Н. Оболенскій, И. К. Зарубинъ, В. Ф. Грубе, Я. А. Анфимовъ, А. В. Репревъ, А. К. Бѣлоусовъ, П. Н. Барабашовъ, Н. Д. Гавронскій, Т. И. Богомоловъ, А. Θ. Брандтъ, А. К. Погорѣлко, Л. Н. Загурскій, Я. С. Кремянскій, пр.-доцентъ Э. Θ. Беллинъ и кромѣ того многіе близкіе знакомые: дамы, доктора и другія лица; деканъ медицинскаго факультета А. Я. Бруевъ по болѣзни не могъ поздравить лично, а потому прислалъ слѣдующее письменное поздравленіе: „Глубокоуважаемый М. А.! позвольте въ этотъ знаменательный для васъ день поздравить васъ съ 30-лѣтіемъ вашей учебной дѣятельности и пожелать вамъ отъ всего сердца, чтобы Богъ далъ вамъ здоровья и силъ еще многіе годы продолжать вашу полезную и плодотворную дѣятельность на пользу университета и вашего любимаго предмета. Очень сожалѣю, что болѣзнь моя не позволила мнѣ лично поздравить васъ и поблагодарить за то содѣйствіе, которое вы оказывали мнѣ во время моего деканства“. Проф. С. А. Поповъ, уѣзжавшій временно въ С.-Петербургъ, то-же поздравилъ письмомъ слѣдующаго содержанія: „Дорогой М. А.! уѣзжая изъ Харькова, я не могу лично поздравить васъ съ вашимъ 30-лѣтнимъ юбилеемъ и потому позволяю себѣ сдѣлать это письменно. Пошли вамъ Богъ здоровья и силъ для дальнѣйшаго служенія родному вамъ университету, Отечеству и Государю. Служите еще долго, хорошій русскій человѣкъ и продолжайте быть примѣромъ для нашихъ молодыхъ собратій, что очень важно въ наше смутное по убѣжденіямъ время“.

4-го января 1897 г. въ газетѣ „Южный Край“ (№ 5495) помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ „Юбилей профессора“, въ которой не-

извѣстный авторъ сообщаетъ, что „3-го января текущаго года исполнилось 30-лѣтіе службы одного изъ уважаемыхъ профессоровъ нашего университета М. А. Попова“. Приведши затѣмъ кратенькія біографическія свѣдѣнія о Поповѣ, авторъ заканчиваетъ свою замѣтку слѣдующими словами: „Всю свою долгую службу М. А. посвятилъ родному городу, родному университету. Симпатичный, добрый, истинно-русскій человѣкъ, знатокъ своего дѣла—вотъ отзывы, которые мы слышали отъ всѣхъ знающихъ М. А. и отъ всѣхъ многочисленныхъ его учениковъ. Какъ мы слышали, празднованіе юбилея отложено до конца января этого года“.

5-го января 1897 г. въ газетѣ „Харьковскія Вѣдомости“ (№ 4) проф. А. К. Бѣлоусовъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ „*Профессоръ Митрофанъ Алексѣевичъ Поповъ*“. Въ этой статьѣ проф. Бѣлоусовъ, упомянувши о томъ, что 3 января минуло 30 лѣтъ ученой и преподавательской дѣятельности проф. М. А. Попова, приводитъ за тѣмъ краткую его біографію и перечень печатныхъ его работъ. Затѣмъ проф. А. К. Бѣлоусовъ сообщаетъ слѣдующее: „Въ настоящее время М. А. Поповъ пишетъ и уже много напечаталъ по исторіи каѳедры анатоміи въ Харьковѣ для предстоящаго въ 1905 году столѣтія нашего университета. Братски относясь къ сослуживцамъ, товарищамъ, подчиненнымъ и учащимся Митр. Ал. заслужилъ всеобщую любовь. Со времени начала чтенія имъ параллельнаго курса, онъ всегда читалъ передъ переполненной аудиторіей. Онъ ввелъ лично систематическія практическія занятія, до него весьма несовершенныя и, можно сказать, самолично составилъ прекрасную бібліотеку при анатомическомъ кабинетѣ и превосходно обставилъ анатомическій музей. Все это достигнуто въ очень короткое время, ибо и самое анатомическое зданіе выстроено недавно, а десять лѣтъ тому назадъ, (свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ), все это учрежденіе ютилось въ трехъ комнаткахъ въ старомъ зданіи, въ которомъ не было даже отдѣльнаго кабинета для профессора, а студенты и съ ними ассистенты работали въ темныхъ, грязныхъ, насквозь провонявшихъ 2-хъ комнатахъ; самая аудиторія имѣла 3 окна во дворъ и наводила нѣкоторый ужасъ на вновь поступающихъ, еще не обстрѣленныхъ студентовъ. Теперь не то, и мы можемъ смѣло утверждать, что воздухъ, въ которомъ приходится работать, въ нашемъ анатомическомъ театрѣ, далеко лучше, чѣмъ въ юридическихъ аудиторіяхъ. Прежде было почти невозможно работать и все-таки Митрофанъ Алексѣевичъ работалъ, работалъ и работалъ и своею неусыпною энергіею довелъ дѣло до превосходныхъ результатовъ. При условіяхъ ученаго труда, часто невозможно учесть всѣ заслуги науч-

наго труженика и результатъ часто мало и замѣтенъ для непосвященныхъ, но врачи знаютъ, чего этотъ трудъ стоитъ и какимъ онъ не рѣдко даже самопожертвованіемъ обставляется.

Товарищи, ученики, друзья и знакомые намѣрены чествовать юбилей уважаемаго Митрофана Алексѣевича, за всѣ его дѣйствительныя заслуги послѣ 20 января, о самомъ же днѣ чествованія будетъ объявлено заблаговременно“.

За симъ въ газетѣ „Южный Край“ 1 и 5 февраля, а въ газетѣ „Харьковскія Вѣдомости“ 2 и 6 февраля (№ 31 и 34) помѣщены были анонсы о томъ, что „9 февраля, въ воскресенье, въ залахъ купеческаго собранія имѣетъ быть чествованіе ординарнаго профессора М. А. Попова по случаю исполнившагося тридцатилѣтія его научно-педагогической дѣятельности. Чтеніе адресовъ и привѣтствій въ 4 часа, обѣдъ въ 5 часовъ“.

9-го февраля состоялось торжественное собраніе для чествованія М. А. Попова. Уже съ 3 часовъ залы купеческаго собранія стали наполняться пріѣзжающими профессорами медицинскаго и другихъ факультетовъ, докторами, студентами, друзьями и знакомыми юбиляра. Многіе изъ профессоровъ, докторовъ и знакомыхъ пріѣхали вмѣстѣ съ своими супругами и близкими знакомыми. Къ 4 часамъ въ собраніе прибылъ г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа И. П. Хрущовъ. Въ $\frac{1}{4}$ 5-го пріѣхалъ юбиляръ съ супругою, которой однимъ изъ распорядителей праздника д-ромъ Платоновымъ преподнесенъ былъ роскошный букетъ. При появленіи юбиляра въ залѣ собранія заиграла музыка и раздались шумные аплодисменты, неумолкавшіе около 5 минутъ. Юбиляръ занялъ мѣсто за столомъ и поклонами благодарилъ публику за оказанную встрѣчу.

Затѣмъ начались привѣтствія. Первый говорилъ заступающій мѣсто декана медицинскаго факультета проф. Л. Л. Гиршманъ, который сказалъ слѣдующее:

„Глубокоуважаемый товарищъ Митрофанъ Алексѣевичъ! Мы всѣ присутствующіе здѣсь ваши товарищи и сослуживцы, ваши ученики, друзья и почитатели собрались сегодня, чтобы чествовать васъ, уже болѣе 30 лѣтъ неустанно трудяшагося въ качествѣ ученаго и врача, профессора и члена университетской коллегіи. На мою долю выпала честь открыть сегодняшнее торжество. Ректоръ нашего университета, вынужденный по неотложнымъ служебнымъ дѣламъ выѣхать изъ Харькова, поручилъ мнѣ, глубокоуважаемый товарищъ, привѣтствовать васъ сегодня отъ его имени, пожелать вамъ здоровья и силъ для продолженія на многіе годы вашей почтенной дѣятельности, направленной

на пользу науки и университета, и выразить вамъ его сожалѣніе, что онъ лишенъ возможности присутствовать лично на вашемъ сегодняшнемъ праздникѣ.

Позвольте же теперь и мнѣ лично привѣтствовать васъ, дорогой Митрофанъ Алексѣевичъ. Случай сблизилъ насъ въ послѣднее время въ нашей факультетской дѣятельности и далъ мнѣ возможность видѣть всю массу труда, которую вы несете, оцѣнить ваши заботы объ интересахъ учащихся, экзаменующихся и служащихъ, и ту пользу, которую вы имъ приносите вашей громадной опытностью. Намъ всѣмъ извѣстно ваше личное участіе въ дѣлахъ факультета настоящаго времени и вашъ интересъ къ дѣятельностямъ факультетскимъ прошедшаго времени, выразившійся въ вашихъ архивныхъ историческихъ изысканіяхъ.

Желаю вамъ, глубокоуважаемый товарищъ, сохраненія вашей теперешней юношеской энергіи, здоровья и вашей любви къ дорогимъ для насъ всѣхъ университетскимъ интересамъ на многіе, многіе годы“.

Послѣ этого предсѣдатель „Общества научной медицины и гігіены“ профессоръ И. Н. Оболенскій прочиталъ адресъ слѣдующаго содержанія:

„Глубокоуважаемый Митрофанъ Алексѣевичъ! Общество научной медицины и гігіены при Харьковскомъ Императорскомъ университетѣ въ засѣданіи 29 января 1897 г. единогласно постановило привѣтствовать васъ, старѣйшаго изъ своихъ членовъ, въ знаменательный для васъ день 30-лѣтней ученой и педагогической дѣятельности, какъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ. Впродолженіи такого долгаго времени вы неуспѣшно трудились на поприщѣ науки и со всякимъ открытіемъ чего-нибудь новаго спѣшили подѣлиться съ нами, дѣлая многочисленныя научныя сообщенія нашему обществу. Въ сегодняшній день, когда подводятъ итоги всему, что было сдѣлано вами, Общество научной медицины и гігіены съ своей стороны приносить вамъ искреннюю благодарность, какъ вполне заслуженную дань отъ лица всѣхъ своихъ членовъ. „Харьковъ, 9 февраля 1897 г. Адресъ подписали: предсѣдатель Общества И. Оболенскій; секретари: Ю. Пенскій, И. Платоновъ. По прочтеніи адреса проф. И. Н. Оболенскій передалъ юбиляру самый адресъ, вложенный въ роскошную папку изъ темносиняго бархата.

За симъ почетный предсѣдатель Харьковскаго медицинскаго Общества профессоръ В. Ф. Грубе въ живой рѣчи передалъ содержимое адреса Харьковскаго медицинскаго Общества слѣдующаго содержанія:

„Глубокоуважаемый Митрофанъ Алексѣевичъ! Харьковское медицинское Общество, состоя преимущественно изъ воспитанниковъ на-

шего университета—вашихъ учениковъ, въ засѣданіи своемъ постановило выразить вамъ свое привѣтствіе и признательность въ торжественный день 30-лѣтняго юбилея вашей ученой и педагогической дѣятельности. При этомъ Общество приноситъ искреннюю благодарность за труды, понесенные вами на пользу страждущаго человѣчества въ томъ же Обществѣ во время завѣдыванія вами амбулаторіей, за участіе въ дѣлахъ Общества по регистраціи приходящихъ больныхъ и за тѣ цѣнныя сообщенія, которыми вы дѣлились съ товарищами—членами Общества.

Ваши заслуги, какъ ученаго и члена медицинскаго факультета, достаточно извѣстны и высоко цѣнятся по справедливости, среди же насъ, вашихъ бывшихъ учениковъ, свѣжа въ памяти ваша любовь и усердіе, съ которыми вы всегда вели практическія занятія съ нами, не щадя ни силъ, ни времени, ни здоровья.

Позвольте-же, глубокоуважаемый Митрофанъ Алексѣевичъ, въ этотъ торжественный день считать пріятнымъ для насъ долгомъ выразить сердечное пожеланіе, чтобы ваша плодотворная дѣятельность на пользу науки и человѣчества продолжала бы процвѣтать многіе и многіе годы, когда вы даже и не будете обременены официальными обязанностями по занимаемой вами каедрѣ. „Подписали: почетный предсѣдатель проф. В. Грубе, предсѣдатель проф. А. Кузнецовъ, секретари: М. Свѣтухинъ и Э. Беллинъ, члены: проф. А. Д. Чириковъ, проф. Н. Д. Гавронскій, М. М. Мионовъ, Н. Смирнитскій, П. Прокопенко, П. Чунихинъ, проф. В. П. Крыловъ, Н. Филипповъ, Н. Андѣонъ, А. Раковскій, проф. А. К. Бѣлоусовъ, Г. М. Іосифовъ, С. П. Дворниченко, С. Коршунъ, Д. Кононенко, Б. Фуксъ, проф. И. К. Зарубинъ, Г. Прокопьевъ, А. Черевковъ, А. Гуревичъ, В. Бобинъ, Бр. Пржевальскій, С. Робакъ, К. П. Оболенскій, С. Л. Эрлихъ, П. Баклановъ, И. Гурѣвъ, В. Пихтовниковъ, Н. Алексенко, Н. Краинскій, И. Финтиктиковъ, М. С. Гофманъ, Ал. Говсѣвъ, М. Футранъ, С. Генелесъ, М. Трахтенбергъ, В. Рубинскій, проф. П. Барабашевъ, Д. Лихоносовъ, А. Святогоръ-Штепинъ, В. Павловъ, С. Кацаваловъ, Н. Кузнецовъ, М. Типцевъ, П. Н. Федоровъ, Герцогъ, Я. Яловый, І. Зильбербергъ, А. Н. Масловскій, А. Н. Деревянко, Острианинъ, В. Фавръ, И. Адамовъ, М. Фабрикантъ, Недригайловъ, Ф. Писнячевскій и др. Послѣ рѣчи, проф. В. Ф. Грубе передалъ юбиляру адресъ, вложенный въ роскошную папку изъ темно-синяго бархата.

Послѣ этого проф. А. К. Бѣлоусовъ отъ анатомическаго персонала сказалъ слѣдующую рѣчь:

„Глубокоуважаемый Митрофанъ Алексѣевичъ! Я имѣю счастье около 20 лѣтъ служить подъ вашимъ руководствомъ; другіе члены анатомическаго персонала—одни больше, иные меньше, но всѣ мы

всегда были вами пригрѣты, обласканы и дружески ободряемы. Вамъ, въ началѣ вашей дѣятельности было трудно; условія для работы были ужасныя, и всѣмъ вообще было лучше, кромѣ насъ. Вамъ же доставалось сугубо. Но вы всегда, неизмѣнно, строго-научно шли къ своей высокой цѣли сравнить наше анатомическое учрежденіе хотя бы скольконибудь съ европейскими учрежденіями съ ихъ научной обстановкой, Вы упорядочили и развили самолично занятія со студентами и въ слѣдствіи на лекціяхъ дали рядъ умѣлыхъ и доказательныхъ работъ, столь необходимыхъ для правильнаго преподаванія. Отъ тяжелой работы вы не только не изнемогли, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше совершенствовались дѣло съ непостижимой энергіей. Эти заслуги всегда будутъ памяты для Харьковскаго анатомическаго института, но еще болѣе будетъ памятно намъ ваше дружеское, теплое участіе словомъ и дѣломъ въ насъ, только что нарождавшихся къ дѣятельности. Всякая работа легче идетъ, если окружена ласкою и несравненно плодотворнѣе только отъ этого будетъ та работа. Въ настоящее время мы можемъ искренно радоваться, что вы не совсѣмъ покидаете нашъ родной университетъ, чтобы и дальше руководить, ободрять и теплымъ дружескимъ отношеніемъ согрѣвать насъ. Душевно, искренно позвольте пожелать вамъ всякихъ благъ, самыхъ наилучшихъ; говорятъ, что нужно съ открытою душою пожелать что-нибудь, чтобы и исполнилось желаніе, если за нимъ нѣтъ задней мысли. Именно такъ теперь мы и желаемъ еще очень долго быть въ томъ духовномъ общеніи съ вами, дорогой нашъ учитель и другъ, которое доселѣ окрыляло насъ и мы, согрѣтые вами, не падали, а продолжали наше дѣло по силѣ возможности! Никогда не уставая работать, вы сдѣлали изъ нашего музея богатое собраніе; завели прекрасную бібліотеку, да и мало-ли еще что сдѣлали! Пусть же на многіе годы не покидаетъ васъ жизнерадостное состояніе души вашей, какъ всякаго, у кого безусловно спокойна совѣсть. Вы достигли этого и мы отъ души привѣтствуемъ васъ, дорогой и многоуважаемый Митрофанъ Алексѣевичъ“.

Послѣ рѣчи проф. А. К. Бѣлоусова, приватъ-доцентъ Ю. Р. Пенскій прочиталъ адресъ отъ учениковъ юбиляра слѣдующаго содержанія:

„Глубокоуважаемый Митрофанъ Алексѣевичъ! Ваши почитатели: ассистенты и ординаторы роднаго вамъ университета, большею частью ваши бывшіе ученики, счастливы, что могутъ привѣтствовать васъ въ незабвенный день вашей тридцатилѣтней ученой и учебно-педагогической дѣятельности.

Занимая одну изъ кафедръ, лежащихъ въ основѣ медицинскаго образованія, вы своей любовью къ излагаемой вами наукѣ, своими глу-

богими познаніями, своимъ искреннимъ желаніемъ всегда придти на помощь учащемуся съумѣли внушить и вашимъ слушателямъ любовь къ наукѣ и непредѣльное уваженіе и чувство благодарности къ вамъ. Въ своихъ отношеніяхъ ко всѣмъ, кто нуждался въ вашихъ совѣтахъ и указаніяхъ какъ учителя, какъ должностнаго лица и какъ просто частнаго человѣка, вы теплымъ, чисто-отеческимъ участіемъ своимъ, своею готовностью помочь словомъ и дѣломъ каждому, обращавшемуся къ вамъ, заслужили всеобщую любовь и уваженіе.

Дорогой Митрофанъ Алексѣевичъ! Примите же наши сердечныя поздравленія въ этотъ достопамятный день, какъ слабое выраженіе нашей искренней любви и непредѣльнаго уваженія къ вамъ и пожеланія, чтобы вы еще долгіе и долгіе годы могли служить на пользу вашего университета“.

По прочтеніи адреса Ю. Р. Пенскій вручилъ юбиляру папку, отдѣланную въ бархатъ темно-вишневаго цвѣта. Въ развернутой папкѣ самый адресъ написанъ на лѣвой страницѣ золотыми буквами и окруженъ роскошными, художественными, акварельными рисунками, сдѣланными д-ромъ Н. Бокаріусомъ. Надъ адресомъ нарисованы три вѣнка, изъ нихъ въ среднемъ помѣщена римская цифра XXX, въ лѣвомъ годъ начала службы юбиляра 1867, а въ правомъ 1897 годъ исполненія 30-лѣтія службы. По бокамъ адреса нарисованы двѣ колонны, обвитыя гирляндами цвѣтовъ; на лѣвой колоннѣ стоитъ богиня мудрости, а на правой—эмблема мудрости: два змѣя, пьющіе изъ чаши. Подъ адресомъ, по срединѣ нарисованъ докторскій знакъ, а ниже его черепъ, стоящій на двухъ томахъ анатоміи Генле, переведенной юбиляромъ. Подъ лѣвой колонной изображена часть университетскаго зданія, гдѣ помѣщается правленіе университета—мѣсто ежедневнаго пребыванія юбиляра, какъ секретаря медицинскаго факультета. Подъ этимъ зданіемъ пририсованы: монограмма юбиляра, микроскопъ и раскрытый анатомическій атласъ. Подъ правой колонной нарисовано зданіе анатомическаго театра—мѣсто, гдѣ юбиляръ читаетъ лекціи и ведетъ практическія занятія. Подъ этимъ зданіемъ подпись: „Hic locus est, ubi mors gaudet succurrere vitae“. Еще ниже пририсованы двѣ харты съ надписями на нихъ двухъ спеціальныхъ печатныхъ работъ юбиляра „Нервы желчнаго пузыря“ и „Къ ученію о черепахъ“. Правая страница въ папкѣ окружена гирляндой изъ виноградныхъ листьевъ, въ срединѣ которой находятся подписи слѣдующихъ докторовъ: Ал. Поповъ, Ю. Пенскій, А. Левсковскій, С. Петинъ, В. Воскресенскій, С. Дворниченко, И. Валяшко, Спасскій, И. А. Чувскій, С. Костинъ, Н. Васильевъ, С. Сурукчи, М. Ситниковъ, И. Марковъ, А. Александровъ,

А. Глейзеръ, А. Кузнецовъ, М. Типцевъ, Г. Іосифовъ, Я. Постоевъ, И. Тюрморѣзовъ, М. Футранъ, К. Еленевскій, Л. Чаусовъ, Б. Дробный, И. Кудинцевъ, Ф. Тарасовъ, Ев. Поповъ, Н. Бокаріусъ, С. Эрлихъ, И. Склевичкій, Паракопный, А. Фингельштейнъ, А. Ножниковъ, Я. Трутовскій, И. Плохинскій.

По прочтеніи Ю. Р. Пенскимъ адреса, проф. П. А. Ясинскій сказалъ слѣдующую рѣчь:

„Глубокоуважаемый товарищъ, Митрофанъ Алексѣевичъ! Несмотря на нездоровье, я не могъ лишиться себя удовольствія привѣтствовать васъ сегодняшній день, день чествованія плодотворной вашей 30-лѣтней преподавательской и ученой дѣятельности. Кромѣ всего высказаннаго вамъ здѣсь, я хочу отмѣтить одну чрезвычайно симпатичную черту, присущую вамъ—это высоко-развитое чувство товарищества. Съ каждымъ, кто обращался къ вамъ, вы весьма охотно дѣлились и своимъ знаніемъ и своимъ опытомъ. Небольшой музей родильнаго дома многимъ обязанъ вамъ: многіе препараты сдѣланы были вашими руками. Несмотря на то, что вы всегда были слишкомъ заняты, вы находили время сдѣлать мнѣ эту товарищескую услугу. Великое вамъ спасибо и отъ себя и отъ учрежденія, директоромъ котораго я состою. Святое, чистое чувство товарищества, чуждое пристрастія и личныхъ интересовъ, и та особенная любовь, которую вы питаете къ избранной вами спеціальности побудили васъ заблаговременно позаботиться объ обезпеченіи преподаванія по занимаемой вами каѳедрѣ указаніемъ факультету на достойнаго себѣ пріемника, въ лицѣ теперешняго профессора анатоміи Бѣлоусова. И въ этомъ ваша заслуга передъ университетомъ. Теперь остается мнѣ только пожелать, чтобы побольше у насъ было такихъ добрыхъ, хорошихъ товарищей, какъ вы; чтобы по больше было профессоровъ, съ такою любовью, относящихся къ своему дѣлу, какъ вы“.

Послѣ проф. П. А. Ясинскаго, студентъ 2 курса медицинскаго факультета Смиттенъ прочиталъ адресъ отъ студентовъ медиковъ I и II курсовъ слѣдующаго содержанія:

„Глубокоуважаемый профессоръ! Позвольте намъ, скромнымъ слугамъ науки, выразить вамъ наше привѣтствіе по поводу минувшаго тридцатилѣтія вашей, болѣе чѣмъ необходимой для нашихъ успѣховъ дѣятельности. По некомпетентности нашей, мы, студенты, не можемъ оцѣнивать вашу чисто литературно-научную дѣятельность, но за то мы можемъ совершенно ясно сознать большія достоинства какъ преподавателя, учителя нашего и друга; позвольте такъ васъ назвать, ибо, по нашему убѣжденію, не можетъ быть лучшей оцѣнки учителю, какъ

считать и назвать его другомъ. Только тѣсная внутренняя связь и возможность дать плодотворные результаты въ великомъ дѣлѣ образованія, а вы, нашъ высокочтимый учитель, являетесь не малою величиною для учащихся въ этомъ отношеніи. Соединяя въ себѣ массу знаній, доброту, доступность, истинную готовность всегда прійти на помощь вамъ, вы дѣйствительно послужили не мало на нашу пользу и съ честью исполнили тяжелую задачу учить насъ, никогда не позволивъ себѣ уклониться отъ намѣченной цѣли—учить какъ друзей. Въ высшей степени полныя и доступныя пониманію ваши лекціи немало облегчили вамъ изученіе трудной науки—анатоміи—этого краеугольного камня медицины; а потому примите наше душевное пожеланіе вамъ на будущее время еще многихъ научить и столько же пользоваться ихъ теплыми симпатіями; пусть онѣ останутся пріятнымъ воспоминаніемъ навсегда у всѣхъ, имѣвшихъ счастье учиться подъ вашимъ руководствомъ“.

Адресъ покрытъ болѣе, чѣмъ 150 подписями.

По прочтеніи, студ. Смиттенъ передалъ юбиляру адресъ, вложенный въ красивую папку изъ бѣлой кожи. На лицевой сторонѣ папки придѣлана большихъ размѣровъ серебряная, позолоченная монограмма юбиляра и черепъ, покоящийся на двухъ перекрещивающихся бедренныхъ костяхъ, искусно вырѣзанныхъ изъ листового, позолоченнаго серебра.

Послѣ студенческаго адреса, присяжный повѣренный А. С. Илларионовъ прочиталъ адресъ отъ „благодарныхъ пациентовъ“ слѣдующаго содержанія:

„Глубокоуважаемый Митрофанъ Алексѣевичъ! Ваши многочисленные пациенты считаютъ себя счастливыми привѣтствовать васъ, глубокоуважаемый Митрофанъ Алексѣевичъ, съ знаменательнымъ днемъ тридцатилѣтней научно-педагогической дѣятельности.

Велика и многополезна ваша дѣятельность въ медицинской наукѣ и въ передачѣ ея юношеству, но не менѣе благотворна и благотворна она въ примѣненіи вашего медицинскаго опыта и знаній къ страждущему человѣчеству.

Вы исполнили завѣтъ Христа и не только посѣтили болящихъ, но облегчали ихъ страданія и восстанавливали ихъ силы и здоровье.

Примите же наши сердечныя пожеланія, чтобы жизнь ваша была долголѣтнею, при полномъ здоровьи и при наилучшихъ условіяхъ свершалась ваша обильная и благотворная дѣятельность на славу науки и на радость страждущаго человѣчества и благодарныхъ пациентовъ“.

Адресъ могъ вмѣстить только 30 подписей. По прочтеніи, А. С. Илларионовъ вручилъ юбиляру адресъ, вложенный въ красивую плюшевую краснаго цвѣта папку.

Чтеніе адресовъ и рѣчей, равно какъ и телеграммъ вызывали шумные аплодисменты со стороны присутствовавшей публики.

По окончаніи чтенія адресовъ проф. А. К. Бѣлоусовъ прочиталъ только нѣкоторые изъ телеграммъ, которые прибыли ко дню чествованія.

По выслушаніи всего, юбиляръ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ сказалъ слѣдующую отвѣтную рѣчь:

„Мм. гг. и милостивыя государыни! Я тронутъ, глубоко тронутъ вашимъ, дорогимъ для меня вниманіемъ, которымъ вы почтили меня въ сегодняшний день. Позвольте же прежде всего просить васъ принять отъ меня самую искреннюю, сердечную и глубокую благодарность. Сегодня, какъ нарочно, я нездоровъ и кромѣ того въ настоящую минуту я чувствую себя нѣсколько взволнованнымъ, а потому я боюсь, удастся-ли мнѣ связно сказать вамъ хотя пару словъ благодарности и выяснитъ вамъ настоящее мое душевное состояніе. Переживая настоящія минуты, мнѣ невольно приходитъ на память прекрасная публичная лекція академика профессора князя И. Р. Тарханова, которую онъ читалъ въ Харьковѣ еще такъ недавно, а именно 12 октября 1896 г. Предметъ лекціи былъ „о вліяніи музыки на организмъ животныхъ и человѣка“. Изъ сказаннаго лекторомъ ясно было, что минорныя тоны дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ, а мажорныя—возбуждающимъ на животный организмъ, что отражается на дѣятельности сердца и можетъ быть демонстрировано на пульсѣ. Свою лекцію князь И. Р. Тархановъ иллюстрировалъ очень эффектнымъ опытомъ вліянія звуковъ „Marche funebre“—Шопена и Марсельезы на сердце и пульсацію одного изъ присутствовавшихъ молодыхъ людей.

Въ настоящую минуту я повѣряю лекцію проф. Тарханова на себѣ самомъ, такъ какъ тоже нахожусь подъ впечатлѣніемъ пріятныхъ звуковъ только что выслушанныхъ адресовъ, рѣчей и привѣтствій. Состояніе моей нервной системы теперь немного странное. Въ самомъ дѣлѣ, если спросить, какъ должно бы дѣйствовать на юбиляра истечение его 30-лѣтняго срока службы, когда онъ, по мѣткому выраженію одного изъ глубокоуважаемыхъ моихъ товарищей, на законномъ основаніи, долженъ быть сданъ въ архивъ, удалиться на покой въ то время, когда онъ еще чувствуетъ достаточно силы и энергіи, чтобы продолжать трудиться? Отвѣтить на это не трудно. Вліяніе будетъ такое же, если не больше, какъ и вліяніе на организмъ звуковъ *marche funebre* Шопена. Но повѣряя на себѣ, я не замѣчаю никакого угнете-

не, наоборотъ, пульсъ у меня въ настоящую минуту бьется даже скорѣй обыкновеннаго. Чѣмъ же это объяснить, что тутъ дѣйствуетъ? А вотъ сегодняшній день, когда вы изволили почтить меня вашимъ высокимъ вниманіемъ. Всѣ эти адреса, прочувствованныя рѣчи, приобщенія это, мм. гг., для меня звуки марсельезы, поднимающіе и ободряющіе мой духъ. Вотъ въ такомъ то приподнятомъ состояніи духа я желалъ бы рассказать вамъ, кому или чему въ жизни я обязанъ настоящимъ моимъ положеніемъ. Я не смѣю и не буду злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ, я буду возможно кратокъ.

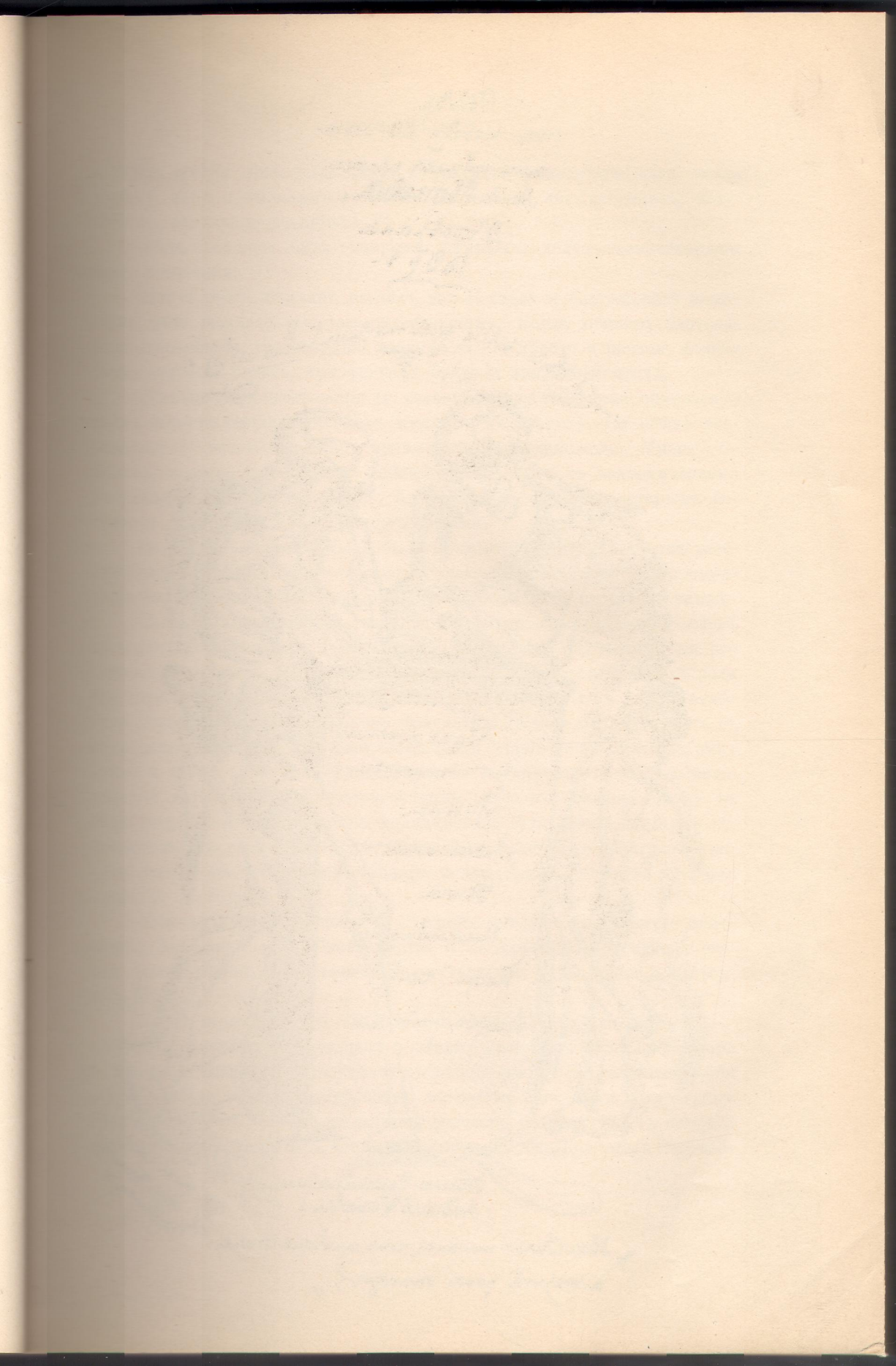
Вашъ покорнѣйшій слуга есть продуктъ Харьковского университета. Этотъ родной мнѣ университетъ былъ всегда для меня самой нѣжной, самой заботливой матерью и далъ мнѣ положительно все. Уже на студенческой скамьѣ, подъ вліяніемъ лекцій учителей—профессоровъ, я увлекся и полюбилъ анатомію. Я заявилъ желаніе учиться и работать и университетъ далъ мнѣ на это возможность. Правда, условія, при которыхъ мнѣ приходилось учиться, нельзя назвать особенно блестящими, но вѣдь не нужно и забывать, мм. гг., что это было 36 лѣтъ назадъ! Въ то время недостатокъ сказывался во всемъ: и въ помѣщеніи, и въ анатомическомъ матеріалѣ, и въ условіяхъ для работы и даже въ научныхъ пособіяхъ. Видя лишь одно мое желаніе трудиться и учиться, тотъ же университетъ посылаетъ меня за границу и даетъ мнѣ возможность учиться анатоміи у лучшихъ корифеевъ науки въ западной Европѣ. По возвращеніи изъ-заграницы университетъ дѣлаетъ мнѣ завидное порученіе вести практическія занятія по анатоміи съ молодежью въ качествѣ прозектора и тѣмъ самымъ далъ мнѣ средства совершенствоваться самому и научиться руководить другими. Наконецъ въ послѣдніе годы, благодаря благосклонному вниманію Его Сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, я получилъ исполнѣ въ мое вѣдѣніе каѳедру нормальной анатоміи. Какъ изволите видѣть, мм. гг., университетъ далъ мнѣ все. Чѣмъ же я могъ благодарить за это и въ состояніи-ли вообще исполнѣ отблагодарить? Разу-мѣется, далеко нѣтъ. Отблагодарить за все это я могъ только усердіемъ по службѣ и трудомъ. Вотъ я и трудился по мѣрѣ силъ, стремясь на сколько возможно улучшить условія и облегчить изученіе анатоміи нашей трудящеюся молодежью—студентами. Еще при началѣ моей дѣятельности, одной изъ первыхъ моихъ задачъ было сдѣлать анатомическій матеріалъ,—трупы, удобнымъ и непротивнымъ для занятій, такъ какъ запахъ разложенія заставлялъ даже многихъ молодыхъ людей отказаться отъ перваго ихъ призванія и заставлялъ уходить съ медицинскаго факультета. Я началъ прививать въ Харьковскомъ уни-

верситетѣ бальзамированіе труповъ. Въ настоящее время бальзамированіе въ нашемъ университетѣ практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, чрезъ что пресловутый *l'odeur spécifique anatomique*, отъ котораго во время оно нѣкоторые падали даже въ обморокъ, у насъ сдѣлался достояніемъ исторіи и преданія. Настоящая чистота и пріятный запахъ замѣнили прежнюю грязь и вонь. Второе, что меня всегда тревожило—это бѣдность анатомическаго музея, безъ котораго анатомія, какъ тѣло безъ души. И вотъ, благодаря дружному содѣйствію моихъ товарищей, музей формируется. Правда, онъ далеко еще не блещетъ полнотой, не обладаетъ громадными собраніями, но вѣдь, мм. гг., и времени-то прошло немного, и я радуюсь уже за то, что онъ въ настоящее время имѣетъ по крайней мѣрѣ право называться музеемъ.

Что касается наконецъ до лекцій и практическихъ занятій, то разумѣется я, какъ и всякій другой преподаватель, старался вложить въ нихъ свою душу, старался дать все, чѣмъ самъ обладаю. Насколько успѣшно я это сдѣлалъ, судить не мнѣ.

Вотъ и все, мм. гг., что я сдѣлалъ. Какъ сами видите, ничего особеннаго. Я, какъ и всякій здѣсь присутствующій, исполнялъ только свой долгъ и обязанность, что, разумѣется, не можетъ считаться заслугой, а потому и на чествованіе, которымъ вы изволили почтить меня сегодня, я иначе не могу смотрѣть, какъ только лишь на проявленіе вашей доброты ко мнѣ, причѣмъ вы подарили меня незабвеннымъ, жизнерадостнымъ, сегодняшнимъ днемъ.

Принося всегда благодарность моей *alma mater*—университету—за все и за вся содѣянное имъ для меня, я въ настоящую минуту прошу позволенія высказать мою глубочайшую благодарность высокочтимымъ представителямъ университета, въ лицѣ его превосходительства, господина попечителя Харьковскаго учебнаго округа и гг. профессоровъ, почтившихъ меня своимъ присутствіемъ въ сегодняшнемъ собраніи. Приношу мою сердечную благодарность въ лицѣ г. почетнаго предсѣдателя Харьковскаго медицинскаго Общества профессора В. Ф. Грубе и въ лицѣ предсѣдателя Общества научной медицины и гигіены профессора И. Н. Оболенскаго корпораціямъ обоихъ ученыхъ обществъ за поднесенные ими мнѣ адреса. Благодарю профессора А. К. Бѣлоусова за теплое слово, сказанное отъ анатомическаго персонала, проф. П. А. Ясинскаго, а также и докторовъ товарищей, забывшихъ меня и почтившихъ какъ адресомъ, такъ равно и своимъ присутствіемъ. Прошу принять отъ меня благодарность и васъ, *mesdames*, и всѣхъ присутствующихъ здѣсь, почтившихъ меня вашимъ вниманіемъ въ сегодняшний день. Вамъ же господа, мои молодые друзья—студенты,

Одобрено
по поводу 30-летия
нашего юбилея профес.
М. А. Понова,
г. Петербург
1894 г.

Exote. bibite post mortem tales eritis!

вторые всегда такъ мило, такъ симпатично относились, какъ лично ко мнѣ, такъ и къ моимъ лекціямъ, я говорю мое искреннее, задуманное, сердечное спасибо“.

Рѣчь юбиляра была покрыта шумными, долго несмолкаемыми аплодисментами.

Послѣ этого юбиляръ вышелъ изъ за стола и благодарилъ пожавъ руки каждого изъ присутствовавшихъ. Когда юбиляръ благодарилъ студентовъ, то послѣдніе усадили его на кресло и начали, по русскому обычаю, качать, при крикахъ браво и аплодисментахъ.

По окончаніи чествованія гг. распорядители торжества пригласили всѣхъ подписавшихся на обѣдъ мужчинъ къ закускѣ. На обѣдѣ участвовало 80 человекъ. Обѣдъ прошелъ весело, оживленно. Много возбуждалъ толковъ и замѣчаній оригинальный меню съ анатомическими рисунками, составленный проф. А. К. Бѣлоусовымъ изъ старыхъ рисунковъ анатоміи и атласа Андрея Везалья.

За обѣдомъ первый тостъ былъ предложенъ г. попечителемъ учебного округа за драгоцѣнное здоровье *Государя Императора*. Тостъ встрѣченъ былъ общимъ ура, причемъ музыка исполнила народный гимнъ.

Затѣмъ г. попечитель сказалъ нѣсколько симпатичныхъ—словъ по адресу Харьковскаго медицинскаго факультета. Въ своей рѣчи его превосходительство подчеркнул выдающіяся черты факультета въ роли его служенія на пользу страждущаго человѣчества. Онъ также отмѣтилъ особенную энергію членовъ факультета, которая проявляется въ проведеніи современныхъ идей, какъ среди учащагося юношества, такъ равно и среди общества. Признавая себя не компетентнымъ въ медицинской наукѣ, И. П. Хрущовъ заявилъ, что онъ нашелъ опору въ тѣхъ сторонахъ дѣятельности медицинскаго факультета, которыя составляютъ его славу; въ средѣ такого факультета онъ счастливъ принять участіе въ чествованіи юбиляра и предложилъ тостъ за здоровье проф. М. А. Попова.

Юбиляръ отвѣтилъ тостомъ за здоровье глубокоуважаемаго попечителя Харьковскаго учебнаго округа И. П. Хрущова, почтившаго своимъ присутствіемъ какъ торжество чествованія, такъ равно и настоящий обѣдъ.

Послѣ этого проф. В. П. Крыловъ сказалъ слѣдующее:

„Здѣсь много было сказано о вашихъ заслугахъ какъ профессора и о вашихъ добрыхъ товарищескихъ отношеніяхъ. Не говорилось объ одной отрасли вашей дѣятельности: вы много лѣтъ были секретаремъ факультета. Эта ваша дѣятельность невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Какъ секретарь, вы исполняли свои обязанности съ величай-

шею любовію, готовностью и даже предупредительностью. За все время мнѣ не извѣстно ни одного случая, гдѣ бы отъ васъ, какъ секретаря, кто нибудь уходилъ неудовлетвореннымъ. Вы не только никому не отказывали въ какихъ либо справкахъ, но давали самыя основательныя разъясненія по всѣмъ предлагаемымъ вамъ вопросамъ. Особенное значеніе эта дѣятельность имѣетъ для студентовъ, особенно на первыхъ порахъ университетской жизни. Иногда и старые профессора запутываются въ формальностяхъ нашей сложной школьной жизни. До какой степени важны правильныя отношенія къ нимъ начинающагося студента, всякій изъ насъ знаетъ по собственному опыту. Иногда неуспѣхъ всей студенческой жизни зависитъ отъ нѣсколькихъ неправильныхъ шаговъ въ исполненіи обязательныхъ для студента постановленій; наоборотъ правильное руководство дѣйствіями студента не только охраняетъ его отъ заботъ и тревоженій и тѣмъ бережетъ нужное ему для занятій время, но и даетъ ему возможность проявить выдающіеся успѣхи въ наукахъ. Особенно важнымъ это руководство студентами въ систематизаціи ихъ занятій сдѣлалось въ послѣдніе годы, когда имъ предоставлены различныя льготы въ выборѣ и распредѣленіи занятій. Вы были для нихъ всегда вѣрнымъ руководителемъ, къ вамъ они всегда шли съ любовью для разъясненій своихъ недоразумѣній. Не мало обязаны вамъ и молодые врачи, желающіе совершенствоваться въ наукахъ, а особенно приготавлиющіеся къ профессорскому званію; вы съ любовью къ дѣлу и къ нимъ удовлетворяли всѣ ихъ запросы. Позвольте-же мнѣ, многоуважаемый Митрофанъ Алексѣевичъ, принести вамъ, какъ секретарю факультета, искреннюю благодарность за студентовъ и молодыхъ врачей, какъ лучшему ихъ другу и руководителю въ исполненіи предъявленныхъ къ нимъ законныхъ и необходимыхъ для успѣха учебныхъ занятій требованій. Въ сложной факультетской жизни ваша дѣятельность, какъ секретаря факультета, имѣла огромное и благотворное значеніе, позвольте-же пожелать вамъ, многоуважаемый Митрофанъ Алексѣевичъ, добраго здоровья, которое-бы дало вамъ возможность дѣятельнаго участія въ дѣлахъ нашего факультета на многіе годы“!

Послѣ проф. В. П. Крылова, проф. Л. Л. Гиришманъ сказалъ слѣдующее:

„Позвольте мнѣ внести въ рѣчь Владиміра Платоновича нѣкоторую поправку, или скорѣе сдѣлать маленькое прибавленіе: Владимір Платоновичъ говоритъ, что дѣятельность Митрофана Алексѣевича, какъ секретаря факультета, никѣмъ не была отмѣчена. Въ своемъ привѣтствіи я эту дѣятельность отмѣтилъ, хотя не развилъ свою мысль такъ

подробно и ясно, какъ Владиміръ Платоновичъ, Митрофанъ Алексѣевичъ былъ всегда легко доступенъ не только для студентовъ и врачей, но и для всѣхъ фармацевтовъ, зубныхъ врачей, дентистовъ и повивальныхъ бабокъ. Всѣ они находятъ у Митрофана Алексѣевича всегда добрый совѣтъ и содѣйствіе; Митрофанъ Алексѣевичъ входитъ во всѣ ихъ учебныя и экзаменаціонныя дѣла, не упускаетъ изъ виду даже матеріальные интересы этихъ, болѣею частью очень бѣдныхъ людей. Для факультетскихъ дѣлъ Митрофанъ Алексѣевичъ затрачиваетъ массу труда. Факультетъ ему много обязанъ, я поэтому не только присоединяюсь къ тосту, предложенному Владиміромъ Платоновичемъ, я подчеркиваю этотъ тостъ за здоровье Митрофана Алексѣевича!“

На послѣднія двѣ рѣчи юбиляръ отвѣтилъ слѣдующее:

„Секретарь есть правая рука декана и лицо исполнительное; поэтому если я относился внимательно и сочувственно ко всѣмъ имѣвшимъ ко мнѣ надобность, то я только вторилъ дѣйствіямъ тѣхъ уважаемыхъ декановъ, подъ руководствомъ которыхъ я состоялъ. Пользуюсь случаемъ предложить тостъ за здоровье отсутствующаго здѣсь по болѣзни декана глубокоуважаемаго Александра Яковлевича Бруева“.

Послѣ этого проф. И. Н. Оболенскій сказалъ слѣдующее:

„Глубокоуважаемый Митрофанъ Алексѣевичъ! Я имѣю честь быть однимъ изъ старшихъ членовъ нашего факультета и старшимъ вашимъ сотоварищемъ. Вся ваша университетская жизнь отъ начала и до сегоднѣшняго дня прошла на моихъ глазахъ—и потому я беру на себя смѣлость здѣсь въ день вашего 30-ти-лѣтняго юбилея сказать въ этомъ почтенномъ собраніи вашихъ товарищей—сослуживцевъ, гг. врачей—вашихъ бывшихъ учениковъ, нѣсколько словъ о вашей учено-педагогической дѣятельности. Большая часть вашей учебной жизни прошла въ старомъ анатомическомъ театрѣ. Двѣ, три маленькія комнаты, плохое освѣщеніе, отсутствіе всякой вентиляціи—вотъ помѣщеніе, въ которомъ вамъ приходилось проводить буквально цѣлые дни и вечера; это съ одной стороны; отсутствіе достаточнаго анатомическаго матеріала, толпа молодежи, жаждающая практическихъ занятій съ другой—ставили дѣло преподаванія въ условія болѣе, чѣмъ неблагопріятныя. Но ваша любовь искренняя, не поддѣльная къ избранной специальности, ваша преданность дѣлу и талантъ учителя дѣлали то, что, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, молодежь училась, работала и приобретала основательныя знанія въ анатоміи. Мы, клиницисты, хирурги и терапевты, можемъ открыто засвидѣтельствовать, что студенты, приходя къ намъ въ клинику, приходятъ съ основательнымъ знаніемъ основной нашей медицинской науки. Отдавая себя занятіямъ со студентами, вы нахо-

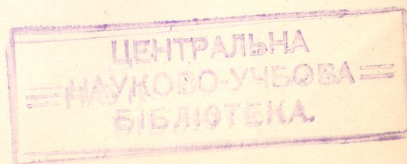
дили время и возможность, несмотря на скудость матеріала, вносить и вашу лепту въ дѣло развитія анатоміи, какъ науки. Ваши литературные труды — лучшее доказательство справедливости сказаннаго мною. И вотъ, благодаря вамъ, кафедре анатоміи въ нашемъ университетѣ заняла и занимаетъ видное мѣсто въ ряду такихъ-же кафедръ другихъ нашихъ университетовъ. Заканчивая мое слово вамъ, Митрофанъ Алексѣевичъ, я былъ-бы несправедливъ, если-бы не сказалъ нѣсколько еще и о другой сторонѣ вашей дѣятельности. Вы, Митрофанъ Алексѣевичъ, выросли и воспитались въ старыхъ университетскихъ традиціяхъ, а эти традиціи таковы: что профессоръ считаетъ нравственнымъ своимъ долгомъ подготовить себѣ достойнаго замѣстителя, — и вы прекрасно выполнили эту завѣтную традицію стараго университетскаго профессора, въ лицѣ нашего теперешняго товарища профессора А. К. Бѣлоусова. И вотъ настаетъ время, надѣмся нескоро, когда вы по тѣмъ или другимъ причинамъ оставите университетъ, оставите вашу кафедру, но повѣрьте, глубокоуважаемый Митрофанъ Алексѣевичъ, что духъ вашъ будетъ жить въ немъ въ послѣдовательномъ рядѣ вашихъ пріемниковъ. Цю за ваше здоровье, Митрофанъ Алексѣевичъ!“

Вслѣдъ за профессоромъ И. Н. Оболенскимъ, проф. В. Θ. Грубе, обрисовалъ юбиляра какъ анатома, который чуть-ли не со студенческой скамьи владѣетъ ловкой и умѣлой рукой препаратора, причемъ усердно всегда занимался излюбленной имъ наукой — анатоміею. Бальзамированіе, введенное юбиляромъ въ нашъ университетъ, Митрофанъ Алексѣевичъ производитъ съ большимъ искусствомъ. Свою рѣчь проф. В. Θ. Грубе закончилъ такъ: „Сегодня юбиляръ въ своей отвѣтной рѣчи выразился, между прочимъ, что профессоръ, прослужившій 30-ти-лѣтъ, на законномъ основаніи долженъ быть сданъ въ архивъ. Я съ этимъ совершенно несогласенъ. Наоборотъ, въ интересахъ правительства, общества и науки подобные научно-подготовленные и опытные люди должны оставаться на своемъ мѣстѣ для руководства и для указанія должнаго пути въ дѣлѣ преподаванія своимъ пріемникамъ“, а потому проф. В. Θ. Грубе пожелалъ М. А. Попову продолженіе его полезной дѣятельности и предложилъ тостъ за здоровье юбиляра.

Проф. Θ. А. Патенко отъ себя сказалъ слѣдующее: „Многоуважаемый Митрофанъ Алексѣевичъ! Здѣсь было высказано уже такъ много хорошаго и выражено такъ блестяще, что нѣсколько скромныхъ словъ, которые и я хотѣлъ-бы сказать вамъ съ бокаломъ въ рукѣ, конечно, должны совершенно затеряться. Но все-же прошу позволенія заявить, что проживъ почти десять лѣтъ въ общеніи съ вами и въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ по завѣдуемымъ учрежденіямъ, я имѣлъ

время узнать васъ и теперь съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствую васъ, какъ честнаго работника науки, отдавашаго ей 30 лучшихъ лѣтъ своей жизни. Тѣ крупныя научныхъ сокровищъ, которыя остались вамъ въ наслѣдіе отъ отцовъ нашихъ, вы съ благоговѣніемъ собирали въ теченіе прожитыхъ 30 лѣтъ научной жизни и эти крупныя сокровища истину зачтутся вамъ, какъ 10 талантовъ. А пока я отъ всей души выскажу пожеланіе—да здравствуетъ нашъ милѣйшій товарищъ Митрофанъ Алексѣевичъ на многія лѣта“!

Послѣ этого профессоръ Сергѣй Александровичъ Поповъ сказалъ слѣдующее: „Глубокоуважаемый Митрофанъ Алексѣевичъ! Позвольте мнѣ присоединить свой скромный голосъ къ сонму лицъ, чествующихъ васъ по заслугамъ. Я заранѣе предвижу упрекъ, который мнѣ могутъ за это сдѣлать. Я мало жилъ среди васъ, мало знакомъ съ условіями мѣстной университетской жизни, наконецъ я недостаточно знакомъ лично съ вами, уважаемый юбиляръ, такъ что-же я могу сказать здѣсь новаго? Повторяю, я сознаю справедливость такого упрека, но сознаю и то, что у меня есть средства къ защитѣ. Эта защита вы сами, дорогой Митрофанъ Алексѣевичъ. У васъ простой, безхитростный русскій умъ, отзывчивое сердце, русская душа на распашку, а потому знакомство съ вами дѣло не тяжелое, узнать васъ сравнительно легко! Въ мой первый пріѣздъ въ гор. Харьковъ, нуждаясь по нѣкоторымъ личнымъ дѣламъ въ совѣтѣ знающаго лица, я случайно обратился къ вамъ и не раскаялся въ этомъ. Напротивъ, уѣзжая изъ Харькова, я вынесъ пріятное впечатлѣніе о своемъ новомъ, безконечно-любезномъ соотечественникѣ. По возвращеніи въ Харьковъ и познакомясь съ вами ближе, я узналъ въ васъ опытнаго профессора, знатока своего дѣла, усерднаго труженика, человѣка съумѣвшаго на скудномъ матеріалѣ и при ничтожныхъ средствахъ сдѣлать довольно большое дѣло для своего родного университета. Встрѣчаясь съ вами въ факультетѣ, я узналъ въ васъ корректнаго члена и всегда придерживающагося евангельскаго принципа, „несть эллинъ, несть Іудей“. Встрѣчаясь съ вами въ обществѣ, я узналъ въ васъ вѣчно юнаго, вѣчно веселаго, всеми любимаго Митрофана Алексѣевича, всегда стремящагося кому нибудь и въ чемъ нибудь услужить. Но это вѣдь только показная сторона вашей жизни. У каждаго изъ насъ найдется еще и другая закулисная, но не безпознойтесь, дорогой юбиляръ, зная вашу скромность и щадя ее, я не буду упоминать объ этой сторонѣ вашей дѣятельности. Хотя каждый изъ насъ, здѣсь присутствующихъ, хорошо понимаетъ, о чемъ я хотѣлъ бы сказать. И такъ, повторяю, не тревожьтесь, я буду скромень, хотя все-таки скажу, что ваши товарищескія отношенія, ваша заботливость о

близко стоящихъ къ вамъ людяхъ останутся на всегда памятными въ нашей университетской жизни. Они должны служить примѣромъ каждому изъ насъ и живымъ упрекомъ тому, кто изъ личныхъ цѣлей не послѣдуетъ за вами. Однимъ словомъ, въ моихъ глазахъ вы, Митрофанъ Алексѣевичъ, хорошій, добрый, русскій человѣкъ и потому я отъ души поднимаю бокалъ за ваше здоровье и желаю, чтобы вы еще долго служили для пользы и процвѣтанія воспитавшаго васъ университета“.

Послѣ рѣчи проф. С. А. Попова, проф. Николай Константиновичъ Кульчицкій сказалъ слѣдующее: „Дорогой Митрофанъ Алексѣевичъ! Позвольте и мнѣ поднять бокалъ за ваше здоровье. Мнѣ трудно прибавить что нибудь къ тому, что сказалъ сейчасъ Сергѣй Александровичъ, такъ хорошо очертившій характеръ вашей дѣятельности. Однако я не могу отказать себѣ въ удовольствіи сказать вамъ хотя нѣсколько словъ отъ себя лично, тѣмъ болѣе, что я слушалъ ваши практическія лекціи при самомъ началѣ вашей дѣятельности и такимъ образомъ изъ всѣхъ присутствующихъ здѣсь я чуть-ли не самый старый ученикъ вашъ. Припоминаю въ настоящую минуту ту неблагопріятную обстановку, при которой вамъ пришлось работать. Не могу однако не вспомнить и того, что польза вашего преподаванія была очевидна для всѣхъ съ самаго начала. Вѣроятно она ободрила васъ и заставила мириться со многими неблагопріятными условіями. Ваши лекціи были почти незамѣнимы для студентовъ того времени еще по одной причинѣ, которую нѣтъ надобности скрывать. Покойный проф. И. К. Вагнеръ, нашъ общій учитель, былъ конечно образованнѣйшій анатомъ, былъ человѣкъ съ большими дарованіями и пользовался вполне заслуженно всеобщимъ уваженіемъ, но его лекціи въ то время были бесполезны потому, что И. К. почти не говорилъ по русски.

Митрофанъ Алексѣевичъ! Быть можетъ на вашу долю выпадали и трудныя минуты, но счастье все же было на вашей сторонѣ. Вы видите сами, какая разница между началомъ вашей дѣятельности въ скромной роли прозектора анатоміи и сегодняшнимъ блестящимъ торжествомъ! Я думаю впрочемъ, едва ли кто нибудь станетъ сомнѣваться, что это торжество, какъ выраженіе нашихъ симпатій къ вамъ, совпадаетъ вовсе не съ окончаніемъ вашей дѣятельности, а только съ нѣкоторымъ измѣненіемъ ея. Быть можетъ съ этаго дня она станетъ даже шире, чѣмъ прежде. Отъ души этаго желаю и надѣюсь, что въ будущемъ еще много лѣтъ вы будете въ силахъ трудиться на пользу русскому юношеству и на славу нашему дорогому отечеству. Ваше здоровье“!

Вслѣдъ за профессоромъ Кульчицкимъ, приватъ-доцентъ Михаилъ Ивановичъ Свѣтухинъ сказалъ слѣдующую рѣчь:

„Глубокоуважаемый юбиляр! Милостивые государи! Я не за тѣмъ поднялся, чтобы прибавить съ своей стороны нѣсколько словъ для характеристики симпатической личности юбиляра и его плодотворной научной дѣятельности. Здѣсь такъ уже много было сказано на эту тему, что рѣчь въ этомъ направленіи была бы повтореніемъ сказаннаго. Вслѣдствіе этого, я позволяю себѣ высказать нѣсколько общихъ мыслей. Разсматривая меню настоящаго обѣда, украшенное виньеткой съ изображеніемъ двухъ скелетовъ, надъ которыми написаны слова: „*Edite, bibite, post mortem tales eritis!*“, моя мысль остановилась на этомъ изображеніи. Когда-то, въ отдаленную языческую эпоху, когда шелъ пиръ, когда изнѣженные тѣла пирующихъ услаждались до пресыщенія изысканными яствами и питіями, рабы на шестахъ носили вокругъ столы челоуѣческіе черепа и восклицали: „*edite, bibite, post mortem tales eritis!*“ И эти восклицанія, вѣроятно, еще больше подзадоривали къ плотскимъ наслажденіямъ людей, душа которыхъ не была согрѣта идеаломъ христіанскаго ученія. Прошло много вѣковъ съ тѣхъ поръ, и мы видимъ этотъ же девизъ на сегодняшнемъ торжественномъ обѣдѣ. Неужели онъ приложимъ одинаково ко всѣмъ?! Что-бы челоуѣкъ не дѣлалъ, какъ-бы онъ не относился къ своимъ личнымъ и общественнымъ задачамъ, будетъ-ли онъ заботиться только о своихъ личныхъ выгодахъ, достигая ихъ путемъ притѣсненія ближнихъ, путемъ попиранія всего добраго и честнаго, или же онъ отдаетъ всѣ силы своего ума и сердца на благо челоуѣчества,—неужели и въ томъ и въ другомъ случаѣ можетъ быть примѣненъ девизъ: „*edite, bibite, post mortem tales eritis!*“ Не хочется этому вѣрить! Челоуѣкъ, честно исполнившій свой жизненный долгъ, остается жить въ потомствѣ результатами своихъ дѣлъ, сумма сдѣланнаго имъ добра остается безсмертна, и послѣ его смерти не остается только одинъ его скелетъ, подлежащій тлѣнію. Но быть можетъ девизъ этотъ выбранъ, имѣя въ виду спеціальность почтеннаго юбиляра, какъ анатома? Но и по этому поводу я не могу не вспомнить одного мѣста изъ руководства къ анатоміи знаменитаго анатома проф. Гиртля. Онъ говоритъ, что на дверяхъ одной парижской аудиторіи прочелъ слѣдующую надпись: „*Hic locus est, ubi mors solet succurrere vitae*“. „И, право, говоритъ Гиртль, не нужно другихъ опредѣленій для того, чтобы уже на порогѣ наполнить душу вступаящимъ священнымъ благоговѣніемъ. Такъ долженъ быть настроенъ всякій, кто изъ подлежащихъ разложенію остатковъ нашего собственнаго рода желаетъ изучить, какъ охранять здоровье и жизнь себѣ подобнымъ“. Дѣйствительно трудно подыскать лучший девизъ, характеризующій значеніе анатомической науки, какъ вышеприведенная надпись.

Анатомія не есть наука о смерти, она есть наука о жизни. Все посѣ-
янное ею, какъ и всякою другою наукою, не умираетъ,—поэтому
здѣсь нельзя не вспомнить отошедшаго уже въ могилу нашего учителя
анатоміи профессора Вагнера, который былъ учителемъ и уважаемаго
юбиляра ¹⁾. Тѣнь проф. Вагнера, присутствуя на этомъ праздникѣ
представителя анатоміи, должна сказать: „*Hic locus est, ubi mors gaudet
suscurrere vitae*“. Подыместъ же бокалъ въ память профессора Вагнера,
учителя анатоміи большинства присутствующихъ здѣсь врачей, а также
въ честь самаго юбиляра глубокоуважаемаго профессора Митрофана
Алексѣевича Попова“.

Послѣ рѣчи М. И. Свѣтухина, проф. Константинъ Алексѣевичъ
Андреевъ сказалъ слѣдующее:

„За товарищеской трапезой, когда чувства душевнаго расположенія
къ чествуемому человѣку подогрѣваются раздающимися со всѣхъ сто-
ронъ воспоминаніями о фактахъ его благородной дѣятельности, не-
вольно развязывается языкъ, невольно говорятъ уста отъ полноты
сердца. Надѣюсь поэтому, что дорогой Митрофанъ Алексѣевичъ изви-
нить меня, если я немного проболтаюсь и расскажу кое-что изъ того, что
иногда дѣлала его десница, но чего не знала, или не хотѣла знать шуйца.

Мы слышали сегодня много выраженій благодарности дорогому
юбиляру: благодарили его и ученики, и товарищи, и паціенты. Но есть
еще люди, главнымъ образомъ тоже паціенты Митрофана Алексѣевича,
которые, безъ сомнѣнія, отблагодарили бы его горячо, если бы ихъ
голосъ могъ дойти сюда. Не отъ нихъ, но объ нихъ я рѣшаюсь ска-
зать нѣсколько словъ.

Утомленный служебными занятіями, Митр. Ал. имѣетъ обыкно-
веніе удаляться на нѣсколько лѣтнихъ недѣль на лоно природы, въ
свою лѣтнюю резиденцію, находящуюся верстахъ въ 20 отъ Харькова,
чтобы отдохнуть и возстановить свои силы. Нѣсколько лѣтъ подрядъ
я былъ свидѣтелемъ этого отдыха, и вотъ что я видѣлъ. Ежедневно,
съ ранняго утра, дача проф. Попова окружена крестьянскимъ людомъ.
На дворѣ ея, во всевозможныхъ позахъ, сидятъ, стоятъ, лежатъ, до-
жидаясь своей очереди, терпѣливые паціенты терпѣливаго доктора.
Бабы съ грудными ребятами, старики, работники, получившіе повреж-
денія на работахъ, больные, изнуренные хроническимъ недугомъ, одинъ
за другимъ уходятъ со двора, унося склянки съ лѣкарствами, повязки

¹⁾ Юбиляръ былъ ученикъ не проф. Вагнера, а проф. Д. Θ. Лямбля, но рабо-
тая въ качествѣ помощника прозектора и презектора, подъ вѣдѣніемъ проф. Вагнера,
проф. М. А. Поповъ пользовался иногда указаніями и глубокоуважаемаго профессора
П. К. Вагнера.

и бинты, и благословляя въ своихъ мысляхъ обходительнаго, ласковаго доктора.

Что же, спрашивается, заставляетъ Митр. Ал. отдавать такъ много времени для отдыха времени этимъ темнымъ людямъ? Отнюдь не корыстолюбіе, потому что онъ ничего отъ нихъ не получаетъ; отнюдь не честолюбіе, потому что никакихъ почестей они воздать не могутъ. Была даже предложена, чтобы здѣсь играло какую нибудь роль только суетное исканіе извѣстности, потому что дальше сосѣдняго села эта извѣстность не простирается и въ настоящемъ собраніи я едва-ли не единственный свидѣтель этого рода дѣятельности нашего юбиляра.

Мнѣ кажется, я не ошибусь, утверждая, что единственное побужденіе, направляющее Митр. Ал. къ этому служенію низшей братіи, есть голосъ его добраго сердца. Онъ дѣлалъ и дѣлаетъ это потому, что не можетъ не дѣлать. Царство Божіе внутри насъ; къ нему, къ своему внутреннему царству Божію стремились его чувства и мысли, а за ними и дѣла. Только внутренній голосъ удовлетворенной совѣсти можетъ быть наградою за дѣла, являющіяся результатомъ такихъ побужденій. Но кто ищетъ царствія Божія, тому и все остальное прилагается. Вотъ почему, думается мнѣ, вотъ по какимъ внутреннимъ причинамъ, лежащимъ глубоко въ самой натурѣ дорогаго Митр. Ал., мы находимъ въ немъ теперь и хорошаго профессора, и доброжелательнаго руководителя, и симпатичнаго товарища, и отзывчиваго къ страданіямъ ближняго врача.

Да будетъ-же почтень и да здравствуетъ многія лѣта нашъ дорогой юбиляръ, гуманнѣйшій человѣкъ, а потому и гуманный профессоръ и гуманный врачъ“.

Послѣ рѣчи проф. К. А. Андреева, присяжный повѣренный А. С. Илларионовъ сказалъ слѣдующее: „Глубокоуважаемый Митрофанъ Алексѣевичъ! Нѣкогда вы подарили мнѣ вашъ ученый трудъ „Анатомію человека“. Я со вниманіемъ прочелъ его, хотя сознаюсь не все тамъ и помню, но, однако-жъ, въ то время я и не подозрѣвалъ, что вы принесли мнѣ даръ, имѣющій заразные начала. Сегодня я постигъ это и рѣшительнымъ образомъ обращаюсь къ вамъ съ настоящею моею претензіею. Въдѣ я юристъ и, подѣ влияніемъ всего, что слыхалъ въ опредѣленный день, рѣшительно не могу воздержаться оттого, чтобы не выступить излюбленной вами науки анатоміи. Я смѣю сказать, что именно въ день тридцатилѣтія вашей педагогической дѣятельности, вы, глубокоуважаемый Митр. Алек., анатомировали и самымъ радикальнымъ образомъ. Одни нашли, что ваша умственная дѣятельность украсила украшеніемъ медицинскаго факультета; другіе констатировали

величайшую трудоспособность; третьи... ну, словомъ, вы изслѣдованы по всѣмъ правиламъ науки анатоміи. Я зараженъ этимъ методомъ и съ своей стороны приступаю къ анатоміи вашего сердца. Но въ виду того, что вы, профессоръ анатоміи, я прошу васъ не быть ко мнѣ строгимъ и не порѣзывать меня, какъ это бываетъ при экзаменѣ малосвѣдующихъ по этой наукѣ. Мое вступленіе къ анатоміи вашего сердца таково: мы живемъ съ вами въ одномъ домѣ, у одной и тойже хозяйки дома, только вы занимаете средній этажъ, а я надъ вами. Вспоминаю теперь тѣ моменты, когда вы, принявшись за обычный трудъ, напряженно слѣдите за мыслями въ сочиненіи новаго серьезнаго ученаго изслѣдователя, и вдругъ... мелодичными звуками сверху васъ увлекаютъ на берега Нила, гдѣ Радамесъ воспѣваетъ прекрасную Аиду. Что дѣлать? Совершенно спокойно, вы откладываете вашу работу до ранняго утра, порѣшивъ сегодня по раньше заснуть, а также и потому, что вы уже и устали отъ денныхъ анатомическихъ занятій. Но не тутъ-то было. Сверху разразились танцами; да слышатся не тѣ танцы, отъ которыхъ гдѣ-то „лѣсъ и горы пляшутъ“. Нѣтъ! Отъ этихъ танцевъ пляшутъ всѣ ваши люстры, лампы и висячія украшенія потолка и стѣнъ. Спать нельзя. И что-же! На другой день вы встрѣчаете и меня и вашу хозяйку со свойственною вамъ сердечною привѣтливостью, ни тѣни недовольства. Напротивъ, полное сочувствіе жизнерадостному настроенію вашихъ верхнихъ сосѣдей. Вотъ какое ваше доброе, любвеобильное сердце. Правда, вы также иногда ведете себя весьма исключительно. Бываютъ дни, когда у васъ можно сказать дверь не закрывается. Это тѣ дни, когда вы держите экзаменъ или иначе сказать принимаете больныхъ: одни спрашиваютъ васъ о мозговомъ страданіи, другіе жаждутъ отвѣта на вопросы о болѣзняхъ сердца и легкихъ, третьи—о раненіяхъ, четвертые обращаютъ ваше вниманіе вообще на внутреннія болѣзни. И что-же? Съ необыкновенною любовью вы даете ваши отвѣты обращающимся къ вамъ страдальцамъ. Съ величайшею благодарностью и глубокимъ уваженіемъ къ вашимъ знаніямъ оставляютъ вашъ пріемный кабинетъ посѣтившіе васъ больные. Отъ нихъ я и выразилъ сегодня ихъ сердечный привѣтъ. Чтобы достойно откликнуться на ваше исключительное, доброе и любвеобильное сердце, недостаточно дѣлать это одному и я очень радъ, что встрѣчаю здѣсь общую къ вамъ любовь, и потому приглашаю всѣхъ васъ чествующихъ выпить за здоровье сердечнаго, гуманнѣйшаго профессора—врача и добрѣйшаго Митрофана Алексѣевича“.

Послѣ А. С. Илларионова, докторъ П. Н. Федоровъ предложилъ тостъ за юбиляра, какъ за одного изъ лучшихъ и добросовѣстныхъ

консультантовъ. „Съ уваженіемъ относясь къ знаніямъ и опытности своихъ товарищей-врачей, Митрофанъ Алексѣевичъ, внимательно разобравши больного, подавалъ на консилиумѣ свои полезныя совѣты, всегда основанные на наукѣ и многолѣтнемъ опытѣ“.

На послѣдніе три рѣчи юбиляръ отвѣтилъ слѣдующее: „Мм. гг.! Вѣроятно половина обращенныхъ ко мнѣ привѣтствій и предложенныхъ поздравленій носитъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ первая. Въ первыхъ привѣтствіяхъ меня характеризовали какъ анатома, какъ секретаря медицинскаго факультета и какъ товарища по службѣ; въ послѣднихъ же разбирается моя дѣятельность какъ практическаго врача. Мнѣ приписываются и опыты указанія какъ консультанта, и терпѣливое, гуманное отношеніе къ паціентамъ и, наконецъ, христіанская любовь къ нашему сѣрому люду—крестьянству. Если-бы все это и было дѣйствительно такъ, то я спрашиваю: кто-же научилъ меня быть полезнымъ врачомъ? Кто привилъ мнѣ духъ терпѣнія, внушилъ христіанскую любовь къ ближнему, сердечное отношеніе къ страждущему человечеству? Разумѣется никто другой, какъ мои добрые и дорогіе учителя, а потому прошу васъ, мм. гг., поднять бокалы и выпить за здоровье, присутствующихъ здѣсь, моихъ учителей-профессоровъ В. Ѳ. Губе, И. К. Зарубина и Л. Л. Гиршмана“.

Послѣдній заобѣдненный тостъ предложенъ былъ проф. И. Н. Оболенскимъ слѣдующаго содержанія: Гг.! Послѣ цѣлаго ряда рѣчей, обращенныхъ къ нашему юбиляру, въ которыхъ такъ ярко обрисовалась дѣятельность его, какъ профессора, ученаго, человѣка, секретаря факультета и врача, у меня возникаетъ сомнѣніе на тотъ конецъ, можно-ли же такъ, что сдѣлалъ нашъ юбиляръ, приписать ему одному. Думаю, что нѣтъ. Во всѣхъ его многотрудныхъ занятіяхъ, во всей сложной, подъчасъ неприятной, докучливой дѣятельности, онъ всегда встрѣчалъ поддержку со стороны своей глубокоуважаемой супруги Елены Васильевны. Она его утѣшала въ дни скорби, ободряла въ дни тяжелые, дѣлила радости и всегда была и есть его ревностною помощницею. За здоровье Елены Васильевны“.

Обѣдъ кончился въ 8½ часовъ вечера. Часть публики уѣхала, но большинство осталось въ залахъ собранія и усѣвшись группами за обѣданными столиками вело оживленную бесѣду. Нѣкоторые оставались до 3 часовъ утра.

Т е л е г р а м м ы .

Петербургъ. Составъ кафедръ нормальной анатоміи искренно поздравляетъ дорогого юбиляра съ исполненіемъ тридцатилѣтней плодотворной научной дѣятельности. *Проф. Таренецкій, прозектора: Батуевъ, Деминъ, Шавловскій, Тихоновъ, Танковъ.*

Петербургъ. Профессора Митрофана Алексѣевича Попова искренно поздравляю завершившимся 30-лѣтіемъ полезной и плодотворной дѣятельности медицинской, ученой и кафедральной. *Разивитовъ.*

Петербургъ. Шлю искреннія поздравленія по случаю юбилея и пожеланія на многіе годы сохранить доброе здоровье. *Фонъ-Анренъ.*

Петербургъ. Душевно поздравляемъ съ тридцатилѣтіемъ службы на тяжкомъ пути просвѣщенія родины. Дай Богъ силъ и здоровья служить еще столь же успѣшно и благотворно. *Профессоръ Ковалевскій.*

Петербургъ. Сердечно поздравляемъ дорогого юбиляра. Желаемъ здоровья на многіе годы. *Костюрины.*

Петербургъ. Дружески привѣтствую дорогого юбиляра. Товарищъ Богомоловъ.

Москва. Принося сердечныя поздравленія со днемъ тридцатилѣтія вашей ученой и преподавательской дѣятельности, горячо желаемъ еще многолѣтняго продолженія ея. *Проф. Зерновъ, прозекторъ Алмуховъ.*

Кенигсбергъ. Herzliche Glückwünsche sendet Professor Stieda.

Казань. Глубокое уваженіе и сердечный привѣтъ шлю юбиляру, тридцать лѣтъ плодотворно работавшему на научномъ и педагогическомъ поприщѣ. Дай Богъ еще многіе годы продолжать ему плодотворную дѣятельность. *Профессоръ Фортунатовъ.*

Кіевъ. Поздравляемъ дорогого юбиляра профессора Митрофана Алексѣевича Попова съ исполнившимся тридцатилѣтіемъ его плодотворной научной и преподавательской дѣятельности и отъ души желаемъ ему продленіе ея въ томъ же благомъ направленіи и многіе годы. *Профессора: Оболонскій, Тихомировъ, Орловъ.*

Кіевъ. Сердечно поздравляю васъ съ 30-лѣтіемъ служебной дѣятельности. Дай Богъ вамъ счастья и здоровья. *Проф. Афанасьевъ.*

Кіевъ. Шлю сердечный мой привѣтъ и поздравленіе дорогому товарищу съ пожеланіемъ на многіе еще годы полезной и научной дѣятельности. *Проф. Морозовъ.*

Варшава. Митрофанъ Алексѣевичъ! Позвольте и мнѣ принести сердечное поздравленіе по случаю тридцатилѣтія вашей страды на нивѣ дорогой вамъ науки. *Проф. Мухинъ.*

Варшава. Поздравляю васъ, дорогой учитель, съ торжественнымъ днемъ вашей жизни. Отъ всего сердца желаю вамъ еще многіе и многіе годы послужить наукѣ въ родномъ краю. Глубоко сожалѣю, что не могу поздравить васъ лично. *Проф. Гутниковъ.*

Варшава. Поздравляемъ глубокоуважаемаго Митрофана Алексѣевича съ 30-лѣтіемъ профессорской дѣятельности. Желаемъ вамъ еще много лѣтъ подвизаться на этомъ полезномъ поприщѣ. *Казанскіе.*

Варшава. Сердечно поздравляемъ, желаемъ здоровья и благополучія. *Десяревы.*

Тифлисъ. Просимъ принять отъ признательныхъ учениковъ вашихъ искреннее поздравленіе съ высокоторжественнымъ днемъ тридцатилѣтняго вашего юбилея съ пожеланіемъ вамъ многихъ лѣтъ плодотворной дѣятельности на пользу науки. *Доктора: Александровъ, Давидъ и Амизанъ Орбели.*

Парижъ. Сердечныя поздравленія съ юбилеемъ шлютъ *Енуровскіе, Балита.*

Харьковъ. Врачи Харьковской городской дѣтской больницы приносятъ глубокоуважаемаго юбиляра и шлютъ сердечныя пожеланія своему дорогому учителю, чтобы его плодотворная научная дѣятельность продолжалась еще много, много лѣтъ на пользу учащихся. *Доктора: Макухинъ, Робахъ, Ганисевъ, Брукъ, Мироновъ, Канеръ, Дерманъ, Клеменовъ, Баранниковъ.*

Харьковъ. Сердечно привѣтствую, многоуважаемый товарищъ, васъ, въ день тридцатилѣтія вашей учено-педагогической дѣятельности, желаю вамъ еще много лѣтъ служить университету на пользу учащагося юношества и науки. *Проф. Амфіанъ Лебедевъ.*

Харьковъ. Приношу свой привѣтъ дорогому товарищу и желаю здоровья на пользу науки. *Проф. Бріо.*

Харьковъ. Сердечно поздравляемъ глубокоуважаемаго юбиляра; отъ всей души желаемъ, чтобы дѣятельность его продолжалась еще многіе годы на пользу науки и утѣшеніе страждущаго человѣчества. Привѣтственные Маргарита и Маринъ *Дриновъ.*

Харьковъ. Многоуважаемый Митрофанъ Алексѣевичъ! Примите искреннѣе поздравленія въ день чествованія вашего прошлаго служенія университетскому дѣлу и пожеланія не менѣе свѣтлаго будущаго для вашей доброй и энергичной дѣятельности. *Проф. Тимофеевъ.*

Харьковъ. Еще разъ поздравляю; по болѣзни не могу лично привѣтствовать. Желаю здоровья, энергіи и жизнерадостной силы на многіе годы. *Валентинъ Зарубинъ.*

Харьковъ. Сердечно поздравляемъ со днемъ торжества вашей 30-лѣтней дѣятельности. Да поддержитъ Господь ваши силы еще на долгіе годы на пользу человѣчества. *Анна и Нина Оженко, Анна Недзвизкая.*

Письменные привѣтствія.

Изъ Кіева. Глубокоуважаемый и дорогой Митрофанъ Алексѣвичъ! Отъ всего сердца поздравляю съ исполненіемъ тридцатилѣтія вашей плодотворной служебной дѣятельности. Я, какъ ученикъ вашъ, болѣе, чѣмъ другія лица могу судить о томъ добромъ вліяніи, какое вы оказывали на молодежь своимъ примѣромъ: любовью къ труду, къ точному исполненію своихъ обязанностей, любовью къ наукѣ. Я, какъ ученикъ вашъ и близко васъ знавшій, могу судить также о томъ благомъ нравственномъ воздѣйствіи, которое вы оказывали на молодежь своими бесѣдами съ учениками вашими и добрымъ, сердечнымъ, чисто отеческимъ къ нимъ отношеніемъ.

Дай Богъ, чтобы примѣру вашему слѣдовали и другіе преподаватели и ваши пріемники. Дай Богъ, чтобы ваша плодотворная дѣятельность продолжалась многіе и многіе годы. *Проф. Оболенскій.*

Изъ Томска. Глубокоуважаемый и дорогой Митрофанъ Алексѣвичъ! Къ сожалѣнію сегодня только получилъ извѣщеніе о 30-лѣтнемъ вашемъ юбилеѣ и спѣшу принести вамъ самыя горячія привѣтствія по этому столь для васъ знаменательному случаю. Я и теперь живо вспоминаю, хотя прошло съ тѣхъ поръ 20 лѣтъ, свои занятія въ анатомическомъ театрѣ подъ вашимъ руководствомъ; съ какимъ усердіемъ, любовью и вниманіемъ относились вы къ намъ; объясняли и показывали на первыхъ порахъ для насъ трудные приемы препаровки и розысканія сосудовъ, нервныхъ вѣточекъ, ганглій, канальцевъ височной кости и т. д. „Къ услугамъ вашимъ“ вы бывало говорили, когда кто либо обращался къ вамъ за разъясненіемъ и сейчасъ-же рѣшали затрудненія. Съ тѣхъ поръ у меня сохранилось о васъ, какъ объ учителѣ, свѣтлое воспоминаніе и я увѣренъ не у меня одного.

Поэтому искренно привѣтствую васъ, съ 30-лѣтіемъ столь усердной, проникнутой любовью къ занимающимся, вашей преподавательской дѣятельности и служенія на пользу науки и родного университета.

Позвольте пожелать вамъ, глубокоуважаемый Митрофанъ Алексѣвичъ, еще долго, долго служить и работать въ избранной вами области и пользоваться признательностью и уваженіемъ всѣхъ вашихъ

учениковъ и товарищей. 12 февраля. 1897. Предан-
ный М. Поповъ. (Проф. судебной медицины).

Изъ Томска. 12 февраля, 1897. Глубокоуважаемый Митрофанъ
Александровичъ! Глубоко огорченъ тѣмъ, что не могъ принять участіе въ
вашемъ юбилейномъ торжествѣ. Письмо о юбилеѣ дошло до меня только
12 февраля. Если я немогъ во время публично поздравить васъ, то
хотѣю мнѣ теперь принести вамъ мои искреннія поздравленія и
сердечныя пожеланія добраго здоровья и долголѣтней жизни. Предан-
ный М. Н. Поповъ. (Профессоръ нервныхъ и душевныхъ болѣзней).

Изъ Томска. 12 февраля, 1897. Глубокоуважаемый Митрофанъ
Александровичъ! Спѣшу принести свое, хотя запоздавшее, поздравленіе
по случаю 30-лѣтней службы вашей. Да сохранить васъ Господь еще
многіе лѣта на пользу родины! Проф. И. Поповскій.

Изъ Томска. 11-го февраля, 1897. Глубокоуважаемый М. А.! Сего-
дня я получилъ увѣдомленіе о томъ, что 9-го февраля „будетъ“ празд-
новаться 30-лѣтіе вашей службы. Увы, къ несчастью, насъ всегда увѣ-
домляютъ о будущемъ тогда, когда оно сдѣлалось уже прошедшимъ!
Но никогда я не сожалѣлъ объ этомъ въ такой степени, какъ въ дан-
номъ случаѣ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ послалъ-бы привѣтствен-
ную телеграмму такому добросовѣстному и неутомимому труженику,
какимъ вы всегда представлялись мнѣ. Въ настоящее-же время могу
лишь написать это запоздалое привѣтствіе въ той надеждѣ, что все-же
кажется-бы оно будетъ не безынтересно для васъ. Еще разъ искренно
и лично привѣтствую васъ и благодарю, какъ одинъ изъ вашихъ
учениковъ. Желаю вамъ еще на многіе годы сохранить ваши силы и
ту любовь къ труду, которая васъ всегда такъ характеризовала. Про-
фессоръ Кащенко.

Харьковъ. 9 февраля, 1897. Глубокоуважаемый Митрофанъ Але-
ксандровичъ! Не имѣя возможности лично принести вамъ свои поздрав-
ленія сегодня, въ знаменательный день товарищескаго чествованія, я
считаю своимъ долгомъ сдѣлать это письменно и тѣмъ выразить вамъ
чувство признательности вашего бывшаго ученика, а вмѣстѣ съ тѣмъ
и чувство коллегіальнаго почтенія вашего сотоварища по службѣ.

Примите же сердечныя пожеланія вамъ, дорогой Митрофанъ
Александровичъ, здоровья и всѣхъ благъ еще на многіе и многіе годы.
Проф. В. Данилевскій.

Харьковъ. 9-го февраля, 1897. Глубокоуважаемый Митрофанъ Але-
ксандровичъ! Нездоровье не позволяетъ мнѣ лично принести вамъ поздрав-
ленія и добрыя пожеланія по поводу исполнившагося тридцатилѣтія
вашей ученой и преподавательской дѣятельности. Поэтому привѣтствую

васъ письменно, привѣтствую не только какъ медика, но и какъ *историка*-автора многочисленныхъ работъ, касающихся исторіи дорогой нашей *alma mater* и желаю вамъ здоровья и силъ еще на многіе годы.
Проф. В. Бузескулъ.

Харьковъ. 9 февраля, 1897. Глубокоуважаемый и дорогой Митрофанъ Алексѣвичъ! Позвольте присоединить мой слабый голосъ къ хору вашихъ почитателей, которые сегодня будутъ торжественно заявлять свои симпатіи и пожеланія по случаю тридцатилѣтія вашей плодотворной на поприщѣ науки и добра дѣятельности. Не будучи компетентнымъ давать оцѣнку вамъ какъ ученому, мнѣ хочется высказать, при этомъ случаѣ свои чувства къ вамъ, какъ къ человѣку, котораго я имѣлъ честь знать почти четверть вѣка и оставшемуся всегда неизмѣнно добрымъ, отзывчивымъ на чужое горе и въ высшей степени симпатичнымъ. Послѣдніе годы мнѣ приходится все рѣже и рѣже сталкиваться съ вами, но при всякой встрѣчѣ съ вами, дорогой Митрофанъ Алексѣвичъ, мнѣ пріятно будить въ моемъ сердцѣ тѣ теплыя и добрыя чувства, какія вы всегда внушали къ себѣ.

При слабости моего здоровья и по складу характера своего, я нѣтъ-нѣтъ да и подумываю о смерти, при этомъ быстро проносится въ воображеніи пройденный жизненный путь, рядъ дѣлъ и бездѣлъ, хлопоты, суета и цѣлая галлерея лицъ, съ которыми когда либо сталкивала меня судьба, и вотъ, воспоминанія объ однихъ невольно вызываетъ на лицѣ моемъ кислую гримасу, о другихъ-же благодарную и дружественную улыбку; вотъ этой то улыбкой я проводилъ-бы и вашъ образъ милый и дорогой Митрофанъ Алексѣвичъ. Простите за несколько сантиментальный и романтическій тонъ моихъ изліяній, но сказалось искренно.

Отъ души желаю вамъ, глубокоуважаемый Митрофанъ Алексѣвичъ, на многіе годы силъ и здоровья идти той-же дорогой, какою шли и также идти.

Буду очень польщенъ если, прочтя эти строки, вспомните симпатично неизмѣнно преданнаго вамъ доброжелателя *С. Михневича*.

Кромѣ приведенныхъ, получены были краткія привѣтствія изъ Самары отъ Клейненберга, изъ Харькова: отъ помощника инспектора врачебной управы М. А. Денисова, отъ фамиліи Добротворскихъ, фамиліи Зимовновыхъ, Насѣдкиныхъ, А. Михневичъ, Ильиныхъ и многихъ другихъ.

Краткія корреспонденціи о юбилеѣ М. А. Попова помѣщены были въ „Харьковскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1897 годъ, 10-го февраля и въ газетѣ „Южный Край“ за 1897 годъ, 11-го февраля, № 5531.
